

Александр Скидановский

ПИСЬМО В ПЕРЕПЛЁТЕ

КОГДА ПРОШЛОЕ ПРЯЧЕТ СОКРОВИЩА,
БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ С ВЫБОРА

ОДНО ПИСЬМО.

24 КИРПИЧА.

60 КИЛОГРАММОВ ЗОЛОТА.

**И ВСЕГО ОДНА ЖИЗНЬ —
НА ТО, ЧТОБЫ НАЙТИ ПРАВДУ.**

Александр Скидановский

Письмо в переплете

<https://litres.ru/73937231>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одно письмо. Двадцать четыре кирпича. Шестьдесят килограммов золота.

Александр всего лишь хотел полистать старую книгу, купленную за десять рублей. Но в переплёте обнаружил письмо из прошлого — письмо, которое велели сжечь. Оно ведёт к старой школе, к кабинету 111 и к тайне, замурованной в стене ещё в послевоенном Кёнигсберге.

Теперь ему нужно найти клад раньше, чем его странное поведение заметят другие. Хотя, кажется, заметили уже все: дети, учителя, сторожа и даже те, кому лучше вообще ничего не объяснять.

Но главный вопрос не в том, где лежит золото. Главный вопрос — что делать, когда найдёшь то, что принадлежало мёртвым.

Александр Скидановский

Письмо в переплете

Письмо в переплёте

Александр Скидановский

Если книга зацепит, добавьте её в библиотеку — так она не потеряется, а автор увидит, что история нужна читателям.

Вместо предисловия

Говорят, книги делают человека богаче.

Обычно это метафора. Всякие там духовные ценности, кругозор, умение поддержать разговор и не выглядеть совсем уж пеньком.

Но иногда книга действительно может сделать человека богаче.

Особенно если куплена за десять рублей, пахнет старым клеем, разваливается прямо в машине, а внутри переплёт-та лежит письмо от человека, который перед арестом успел спрятать шестьдесят килограммов золота.

Вот тут, конечно, начинаются вопросы.

Что делать приличному человеку?

Сообщить куда следует?

Положить письмо обратно и сделать вид, что ничего не было?

Или всё-таки проверить, правда ли в стене старой шко-

лы замурованы двадцать четыре кирпича, которые совсем не кирпичи?

Глава 1. Книга за десять рублей

Я люблю книги. Такой вот у меня недостаток. В смысле — недостаток общения. Если человек проводит время с книжкой, значит, ему больше провести время не с кем. И фраза «мои лучшие друзья — книги» звучит немного печально. Но что есть, то есть.

Есть, конечно, люди, с которыми тебя сводит профессия. Каждый день божий сводит. А я работаю в торговле, и эти люди за день, мягко говоря, раздражают. Тут выход один: или книги, или животные, а лучше — и то и другое вместе.

Из недостатков у меня еще недостаток денег. Не то чтобы я бедный нищий. Нет. Просто, как у любого мелкого предпринимателя, каждая копейка в деле. В смысле — в товаре. И забрать наличку с кассы рука не поднимается. Да и продавцы не поймут. С поставщиками ведь они день-деньской общаются, делают заявки, им виднее, что заказывать и с кем рассчитываться. С моего, конечно, ведома, но на расчет налички вечно не хватает, и они уж как-то сами выкручиваются.

А книги стоят дорого. Поэтому побаловать себя покупкой интересной книженции я не могу. Только на «Авито» или в магазинчике на Кутузова. Знаете такой? Там подержанные книги продаются. Все по десять рублей за штуку. Как макулатура. Хотя, по правде, макулатура и есть: старые и неин-

тересные.

Я иногда заезжаю туда, потому что по дороге домой и парковка удобная. Продавец там Анна Викторовна — немолодая уже интеллигентная дама, похожая на Шапокляк из мультика, только без крысы, надеюсь. Но со шляпой. Здоровается со мной как со старым знакомым и на вопрос: «Новое что-нибудь привозили?» — печально вздыхает и обводит рукой зал в книжных завалах.

- Что вы, Александр, а это куда девать?

Но сегодня я заглянул не зря. Вообще-то не собирался, но, проезжая мимо, увидел, как через вход какие-то люди заносят коробки. Значит, завоз.

Книги этот магазин приобретает или бесплатно, самовывозом, — в смысле, сами люди привозят, когда кто-то продаст бабушкину квартиру, а выбрасывать на помойку библиотеку жалко, — или совсем за минимальные деньги. Тоже, как правило, у людей, избавляющихся от старого жилья.

В магазине книги располагались на стеллажах и просто высокими стопочками на полу, образуя улочки и переулки. Новая стопка книг высилась в углу. Анна Викторовна выкладывала книги из коробок и, не рассортировывая, так стопками и строила очередной книжный Вавилон. Мужчинам, заносившим коробки, она быстрым тонким голосом говорила:

- Вот сюда, ребята. Вот сюда, пожалуйста.

Мужчины, судя по лицам, слово «пожалуйста» слышали нечасто и, пытаясь, отвечали:

- Последняя коробка — и шабаш.

Потом происходил расчет. Анна Викторовна со вздохом отдала им какие-то деньги и сказала мне:

- Выбирайте, Александр. Много детских, кстати. Я знаю, вы любите.

Мужики, занесшие книги, с удивлением поглядывая на меня, вышли из магазина, и мы остались с Анной Викторовной тет-а-тет. Она, как всякий интеллигент, любила употреблять французские словечки, хотя, может, и язык знала — не удивлюсь.

Короче говоря, я порылся в новой книжной куче и выбрал «Оливера Твиста» и «Тимур и его команда». Книги моего детства. Даже вспомнилась обложка. Посмотрел на год выпуска — так и есть: 1952-й, почти раритет. По десять рублей платить у меня, правда, совести не хватило, и я, отдав сто-рублевку, сказал: «Сдачи не надо», попрощался и вышел.

На улице начинался дождик. Обычная наша прибалтийская погода. Я люблю дождь всё-таки. Не мокнуть, конечно. Приятно сидеть и слушать, как он тарабанит по крыше: что дома, что в машине. Пока было время, решил остаться на стоянке около магазина, откинуть сиденье и полистать покупки. Потом поеду.

Начал с «Тимура». Читать я ее, конечно, читал еще в детстве, и не раз, но все равно приятно. Старые книги имеют какой-то неповторимый запах: клея, библиотеки, школьного класса — короче, чего-то из детства. Плохо, что шрифт

тогда был, конечно, ужасный. И бумага не очень. Семьдесят лет прошло, чего я хочу. Хорошо хоть переплёт выдержал.

Начав листать, я, конечно, накаркал. Переплет выдержал, а вот склейка страниц — нет. Несколько листочков тоненькой стопочкой выскользнули из книги и рассыпались на полу машины.

- Вот черт.

Нагнувшись, все собрал. Надо будет дома склеить. Ремонтировать книги я уже привык и почти профессионально стал осматривать переплёт. Интересно: внутри переплёта была свернута какая-то бумага. Протолкнув ее вначале пальцем, а потом подцепив ручкой, я вытащил скрученную трубочкой и перемотанную ниткой пожелтевшую бумажку, исписанную мелким почерком.

Глава 2. Письмо из прошлого

Письмо из прошлого. Наверное, кто-то в школе еще спрятал. Аккуратно порвав нитку, я с любопытством стал читать. Только не надо говорить, что читать чужие письма нехорошо. Во-первых, покажите мне хоть одного человека, который не станет читать чужое, а потому и интересное письмецо. А тем более — из прошлого.

Прочитав один раз, я полез в сумку. Там у меня, так сказать, дежурная аптечка. Когда вам стукнет сорокет и все эти сорок лет вы здоровье только тратили, то, хочешь не хочешь, а лекарство от стенокардии надо держать при себе. А сердечко у меня заколотилось как у воровья. У того вроде пульс

под двести.

И не удивительно. Положив под язык таблетку, я устроился поудобнее и еще раза три перечитал письмо. Почему — сейчас поймете. Вот оно.

Почерк разборчивый, написано, видно, химическим карандашом, а не чернилами: буквы совсем не расплылись. Листочек обычный, в клетку, со старомодными красными полями. На самом верху, крупнее, чем весь текст, прямо посередине было написано: «Здравствуй, мой дорогой сынок Тимурчик».

* * *

Здравствуй, мой дорогой сынок Тимурчик.

Если ты читаешь это письмо, значит, все произошло так, как я сейчас и думаю. Но, может, оно к лучшему. Главное, что ты это читаешь.

Я, видимо, уже далеко от тебя и надолго. То, что меня арестуют, пока ты в лагере, — и хорошо, и плохо. Хорошо, что ты этого не увидишь, а плохо, что я не смогу тебя напоследок обнять и попрощаться. Мы, скорее всего, больше не увидимся. Если меня арестуют, то тюрьма мне неизбежна. И, увь, надолго. И далеко от тебя. Но не печалься. Такая жизнь. Я буду тебе писать оттуда.

Но то, что скажу сейчас, написать потом я не смогу. Там строгая цензура. Поэтому прочитай внимательно, а потом обязательно письмо уничтожь. Лучше сожги. Только не на керосинке в квартире, а во дворе.

Я оставляю тебя одного. Мачеха Наталья неплохая, но надежды на нее у меня большой нет. Она тебя, скорее всего, отдаст на следующий год в фазанку учиться, там общежитие. И не спорь. И в армию обязательно сходи. Твоя задача — подрасти несколько лет без приключений, а потом сделать то, что я тебе сейчас напишу.

Как ты помнишь, я рассказывал, что в сорок пятом здесь, еще в Кенигсберге, я вывозил из лагеря для заключенных разные грузы. Немцы в этих лагерях собирали все. Даже тряпки старые с покойников отдельной горой хранили. А еще у них было много золота: кольца, сережки, цепи, даже зубы. Все с людей бедных снимали. Нам, помню, рассказывал один, что если немцы коронку во рту найдут неучтенную — все, конец человеку.

Так вот, золота было три больших ящика. Я как водитель и двое из спецотдела перевозили из лагеря и архив, и оружие, а когда разрешили, то и золото это повезли в банк. А по дороге они меня, как я понял, хотели илепнуть, спрятать и как-то на меня свалить пропажу ящиков. Дескать, я угнал и машину, и груз куда-то — ищи-свищи.

Да я не дурак. Это они всю войну в штабе просидели, а я смерть видел десятки раз. Короче, не вышло у них. А у меня так вышло, что взял я грех на душу и застрелил обоих. Их же пистолетом. Потом машину утопил, а ящики схоронил в лесу. Этих в машине оставил. Озеро глубокое, думал — не найдут.

А себя стрельнул через буханку: так на фронте самострелы некоторые делали. На попутке меня подобрали солдатики, и я попал в госпиталь. А там из штаба быстро прибежали. Следствие было, и решили они, что я не вру. А эти двое, мол, меня стрельнули и сами на машине укатили с этим золотом. Тогда такие случаи тут нередкие были.

Короче, после госпиталя, как оклемался, я машину только получил и поехал: эти ящики выкопал, забрал. Боялся продавать с рук золото это. В чулане хранил, под дровами. А потом нам с матерью квартиру нашу дали и кладовку уличную.

Ты помнишь, наверное, как я в гильзе паяльной лампой плавил? Говорил тебе, что медь для вкладышей. Переплавил я все золото это и сделал кирпичи: синей глиной обмазал, обжег лампой. И они у нас хранились, помнишь, в кладовке, в стене. Двадцать четыре штуки. Шестьдесят килограммов ровно.

А тут летом, как ты в лагерь уехал, машину рыбаки нашли в озере. Подняли ее со дна, и трупы определили: застрелены. К следователю вот вчера вызывали. Думают, что я помог им бежать, а их кто-то, с кем они в сговоре были, поубивал. На меня, что я золотишко забрал, не думают. Так и сказал: «Ты бы уже продавать начал давно, не удержался». А вот что помог бежать этим — подозревают. Так что на десяточку на Север поедешь, следователь мне сказал. Готовься, мол. И подписку о невыезде выдал. Я бы к тебе хоть на часок смотался, попрощался да рассказал, где

золото сейчас, так нельзя.

Главное, сынок, ты его сейчас не трогай. «Жадность фразера сгубила», говорят не зря. Если бы я тогда не пожадничал, а сдал бы государству этих покойников с машиной и ящиками, то всё равно получил бы награду. И в тюрьму сейчас не отправлялся бы.

Поэтому ты в армию сходи, а как только вернешься — займись этим золотом. Там что с ним делать, сам сообразишь. Только я тебе советую: золото это с людей несчастных снято и имеет на себе этот груз. Отдай половину или больше куда-нибудь, себе оставь меньшую часть. Может, горя и не принесет золотишко это тебе. Все с умом только делай.

Меня, наверное, не будет уже, так не горюй. Я пожил и тебя вырастил. Матери могилку хорошую справь. Она у нас молодец была. Про золото, кстати, ни один человек не знает. Я ей даже перед смертью не стал рассказывать.

Теперь слушай. Золото в кирпичках я перевез на стройку этим летом, где сейчас работаю. Школу строим. Ты ко мне, помнишь, прибегал, обед приносил? Так вот, в той комнате, где я кладку делал, я в средний ряд все двадцать четыре кирпича сложил. Это на века. Школу сносить никто не будет. Прележат сколько надо. А тебе после армии туда устроиться придется. И там сам разберешься уже. Только не торопись, все продумай.

Ну, прощай, Тимурчик мой. Увидеть я тебя еще увижу —

на суд, наверное, мачеха тебя приведет попроситься, так я тебе шепну, что в книге письмо. А если не получится сказать, надеюсь, что сам найдешь. Ты читать любишь. А я тебе постараюсь намек передать.

Письмо, повторяю, уничтожь и на несколько лет забудь. И самое главное: расскажешь, похвастаешь кому, особенно девке какой, — все пропало тогда. Запомни это.

Ну, прощай.

Твой папа.

* * *

Глава 3. Родовое поместье в Италии

На этом письмо заканчивалось. Исписан был листок с обеих сторон. Судя по тону, он бы и еще что написал, да бумага закончилась и, видать, не стал.

Мне лучше всего думается, когда я хожу или еду. Я завел машину и поехал просто по кругу, собраться с мыслями.

Письмо, видимо, не прочитано: не уничтожено и в книге так и лежит. Отец этот, наверное, сел, и если бы был жив и здесь, в Калининграде, письмо-то уж достал бы. Видать, и правда помер где-то на Севере, а сынок этот Тимур так, ничего не зная, и прожил с книгой.

Кстати, что за школа, которую строил этот отец? Год выходит пятьдесят шестой. Не очень много тогда школ строилось. А может, не новую, а ремонтировали? Хотя нет, он же пишет: строил, кладку делал. И в Калининграде — сын ему обед как-то носил. Не в область же он с узелком бегал.

То, что я займусь поисками, я понял сразу. Надо сказать, особенным везунчиком я себя не ощущал. Живу один, смешно сказать, бобыль бобылем. А кому не везет в любви, тому, как говорится, где-то должно повезти. А может, этот клад давно нашли? Надо как-то узнать. Может, в архивах газет? Шутка ли — шестьдесят килограммов золота. Это сколько в деньгах? Миллионы? Или даже миллиарды? Шум немаленький должен был быть.

В Калининграде то и дело находят клады, и СМИ смакуют это с удовольствием. Недавно вот читал: бочку железную с фарфором каким-то редким откопали на перекрестке дорог. Это, видать, немцы, когда их депортировали, прятали. С собой только тук с барахлом брать разрешали, а все остальное оставить. Так я читал: перед отправкой каждую ночь по всей области фонарики мерцали да лопаты скрипели. Люди надеялись вернуться и ценное припрятавали в заметных местах.

А здесь не кружка фарфоровая. Здесь, блин, родовое поместье в Италии где-то светит. Мечты сладким медом залили голову. Я люблю помечтать. Дурак думками богатеет.

Глава 4. Педагогический диплом

Надо составить план, что делать вначале. Найти эту школу и, как папаша советовал Тимуру, устроиться туда кем-то. У меня, к слову сказать, профессия как раз учитель. В нашем северном городе, где мы с сестрой заканчивали школу, было два учебных заведения: нефтяной техникум и педучилище. Ни то ни другое меня не манило, но нефтяник тогда коти-

ровался как сейчас дворник. А работать в грязи на буровой, на морозе, в минус пятьдесят я не хотел. В школе как-то теплее.

В общем, диплом пылился дома уже двадцать лет. И, кстати, стаж небольшой даже был: сразу после учёбы мы с другом год отработали в школе. Он началку вел, а я физруком пошел.

Глава 5. Собеседование без невесты

В школу на собеседование я пришел, как и договаривались по телефону, к одиннадцати часам.

Понимая, что первое впечатление самое важное для того, чтобы меня пустили к детям, я стал выбирать, кем мне прикинуться: или добрым дураком Леопольдом, или строгим тренером.

Да, не знал я тогда, что меня взяли бы, даже если бы я пришел в костюме Пьеро из «Буратино». Мужчина — редкость в школе, а не сильно старый так вообще находка.

Собеседование прошло на удивление моментально. Директор и два заместителя хотели узнать, сидел ли я в тюрьме и, если сидел, то за что и сколько. Узнав, что нет, и к тому же имею педагогическое образование и стаж, и почему-то не спрашиваю про зарплату, они буквально выдрали документы у меня из рук, моментально состряпали договор и, когда я подписал его, как-то похоронно переглянулись друг с другом и улыбнулись хорошей, отрепетированной улыбкой уже мне.

- Добро пожаловать, так сказать, в наш добрый, дружный,

профессиональный коллектив.

Сказано все было очень торжественно и походило на церемонию бракосочетания. Только без невесты.

Я пожал им руки и, узнав, что в школе меня ждут уже тридцать первого августа, распрощался.

В общем, вот так я попал в школу после почти двадцатилетнего перерыва.

Такая вот переменка. Только вроде прозвенел последний звонок, ты стоишь счастливый и фотографируешься с одноклассниками, а потом — бжик! — и двадцать лет куда-то пронеслись. Причем пронеслись так быстро, как будто они эти годы сдавали кросс или бег какой-нибудь на оценку. Стометровку, например.

Ну а в общем, пронеслись и ладно.

Глава 6. Первый звонок не с той стороны

И вот я опять в костюме, стою на праздничной линейке, посвященной первому сентября. Только стою я не с той стороны, где все в бантиках и цветочках, а напротив. Среди шеренги незнакомых мне пока что торжественного вида коллег-учителей, предметников и многочисленной администрации.

И меня никто не хлопает по плечу и не орет в ухо:

- О, здорово, Кабан!

Или:

- Привет, Санек! Ничего ты вымахал за лето!

Нет, ко мне если и обращаются, то пока что завучи:

- Александр Владимирович, вы не могли бы навести порядок вон в той шеренге, где третьи классы стоят? Видите же, что классные учителя не справляются.

Я послушно иду в ту сторону, куда показывает пальцем завуч, и становлюсь в строй к третьеклассникам.

Как их успокаивать и от чего — я не знаю. Стоят вроде дети и стоят. Ну, переговариваются негромко. Понятно, лето не виделись.

Но третьеклассники сразу, как я подошел, замолкают, и я ловлю на себе их немного испуганные взгляды. Рядом со мной останавливается их классная руководительница и шепчет мне:

- Спасибо, что подошли. Они сразу успокоились.

Я так же шепотом спрашиваю у нее:

- Мне кажется, они меня боятся.

Она согласно кивает головой и говорит:

- Ну да, конечно. Они, видимо, боятся, что вы будете их новым классным руководителем.

Тут ко мне подходит другая завуч и недовольным голосом озвучивает:

- Александр Владимирович, учителя без классного руководства у нас, если вы не заметили, стоят перед торжественным строем. Встаньте, пожалуйста, где вы должны стоять.

И тоже показывает пальцем туда, откуда я только что пришел.

Я не спорю и возвращаюсь.

Выступает директор. Она говорит красивые слова, которые слышали еще дедушки и бабушки собравшихся здесь первоклассников, когда сами были учениками. Заиграла песня, сочиненная с тех же примерно времен.

Дети уже наговорились друг с другом и рассматривают стоявшую перед ними когорту преподавателей. Особенно новеньких. До меня доносятся обрывки разговоров.

- А вон тот кто?

Это спрашивает громким шепотом какая-то девочка подругу.

- Который?

- Да вон. С ушами.

- А это физрук новый.

Потом я слышу еще раз что-то про нового физрука и его уши.

Изо всех недостатков моей внешности на уши я никогда не обращал особого внимания. А тут не вытерпел и, сделав таинственный знак рукой стоящей во главе нашей линейки учителей завучу, я быстренько сматываюсь в фойе школы, где висит зеркало.

Там я рассматриваю свои уши и не вижу в них ничего особенного. Уши как уши. Два. Без сережек, одинакового, в общем, размера. Цвет, правда, красный, но это можно списать в честь праздника.

Ничего не поняв, возвращаюсь на линейку.

Теперь я внимательно прислушиваюсь к отрывкам разго-

воров детей, и стоящий сбоку от меня седьмой класс мне слышно очень хорошо. Там тоже обсуждают учителей.

Говорят опять две девочки. Причем переговариваются они друг с другом, не поворачивая головы и смотря с милой улыбкой прямо перед собой.

Одна говорит другой, мол, какая-то Эллочка обещала не вернуться, но вернулась все же, стерва.

Вторая соглашается:

- Ага.

- А это кто? — спрашивает эта же девочка. — Вон та новая, что надушилась освежителем туалетным, что ли. Аж сюда воняет.

- Это вроде русичка новая.

- А это кто, вон с лицом тупым? Физрук, что ли?

- Ага, физрук. И, представляешь, говорят, он из этих... светло-синих. От зеркала не отходит.

После услышанного я становлюсь цветом вначале действительно светло-синим, потом ярко-красным.

В голове одно желание — выскользнуть за ворота, добраться до машины и никогда сюда не возвращаться. Но это невозможно. Мои документы в сейфе у директора. И я понимаю, почему мне сразу озвучили, что увольняться только после двухнедельной отработки.

Тут опять громкая музыка. Счастливая первоклашка на плечах амбала — неужели он тоже школьник? — всюю машет колокольчиком так, что он вот-вот вылетит из ее ручо-

нок, и звенит посильнее, чем у тройки почтовых лошадей.

Все хлопают. Первоклассники с цветами и рюкзаками заходят в школу первыми. Родители вытирают слезы. Некоторые учителя тоже.

Я ни одной скупой слезинки из себя выдавить не смог и зашел в школу так. Просто последним за всеми.

Тут меня дергает кто-то за рукав. Я оборачиваюсь и вижу ребенка с большим букетом, который, заглядывая в бумажку в руке, что-то спрашивает у меня:

- Вы физрук?

- Да, — отвечаю я.

Ребенок сует мне молча букет и, не говоря ни слова, убегает.

Я с букетом в руках хожу-брожу по коридорам, не знаю, что мне делать, и чувствую себя в костюме и с букетом каким-то женихом на свадьбе, который потерялся.

Во всех кабинетах начался первый урок. Во всех, кроме физры.

Тут меня осеняет, что теперь у меня же есть в распоряжении помещение площадью с большой пустырь, и я иду туда.

Глава 7. Димон и ключи от спортзала

Там я встречаю невысокого мужичка, тоже стоявшего с букетом под мышкой и, нагнувшись, ковырявшегося в замке двери.

Увидев меня, он обрадовался:

- Ты Саня, новый физрук? А я Димон, тоже физрук новый.

Я думаю: где ты, где ты.

Он крепко жмет мне руку.

- Давай зал открывать. Тут что-то замок не фурычит.

У него в руках целая связка ключей, которые он взял на вахте с бирочкой «спортзал». Замок в двери один, видно, что сделанный-перделанный, но ключей много и все разные.

Потом выяснилось, что один ключ от зала, еще один от тренерской, там еще от сейфа с автоматом. И еще два — от раздевалок: девочки и мальчики.

Разобравшись с замками, мы заходим в зал и тренерскую знакомиться с обстановкой и друг с другом.

Димка, как он себя представил, был человеком лет за сорок и, кстати, с поломанными ушами. Борец, наверное, подумал я и вздохнул облегченно: так вот про кого говорили про уши.

А потом вспомнил про тупое лицо и подозрения с ориентацией и взгрустнул.

Димка оказался веселым оптимистом. Он уже имел стаж. Работал в большой школе и перешел специально в эту.

- Тут народу поменьше, в смысле администрации всякой, и работать легче будет, — сказал он и, как потом выяснилось, ошибся.

В школах оказалось: чем меньше детей, тем больше начальства.

Димка был бывшим мастером спорта по дзюдо и еще играл по молодости в футбол за какой-то региональный клуб.

Потом лихие девяностые закружили его в мутные воды бизнеса, из которого он еле вывернулся без судимостей, но со шрамами на теле.

Все это он успел мне выдать буквально за первые двадцать минут общения. И успел еще добавить:

- Теперь нам надо, Саня, здесь карьеру делать. Денег на свободе, — почему-то так он выразился, — сейчас непросто сделать. Так что вон наши деньги бегают.

И показал на носящихся, как при броуновском движении, школьников.

Я карьеру никакую делать, тем более здесь, не хотел, но говорить ему об этом, конечно же, не стал. А он, наоборот, распланировал все четко:

- Год-два физруком отишачим, — увлеченно рассуждал он, открыв железный шкаф-сейф с инвентарем и разглядывая содержимое, — потом заучем немного, а там директором.

Он с грохотом захлопнул двери ящика и, повернувшись ко мне, добавил слова Высоцкого:

- А там, глядишь, и до министра дорастешь. А, Санек?

И весело мне подмигнул.

Ну а пока Дима был весь в радужных мечтаниях и осматривал наш кабинет, я отправился опять побродить по школе.

Моя основная задача — не забыть бы — начать, так сказать, с себя поколение мультимиллионеров.

Глава 8. Школа на машине времени

Школа и школьные кабинеты прямо как на машине времени моментально вернули меня в детство.

Даже шум этот и специфический школьный запах, который бывает только в школе, где пахнет то ли мелом на доске, то ли журналами с оценками и учебниками, а может, и тряпками, которыми моют доски и которыми мы бросались друг в друга на переменах, — все это напомнило мне мои дальние детские годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.